22 Неделя, 1885 г. 20-26 мая.

Голос минувшего

Очерк о замечательной певице Анастасии Дмитриевне Вяльцевой (1871—1913), отрывок из которого мы публикуем, был напечатан в феврале 1913 года на страницах петербургского журнала «Солнце России».

«Она мне доставила удовольствие, большая артистка».

(Вл. И. Немирович-Данченко)

«...ЗАПЕЛА НА ВСЮ РОССИЮ!»

Рождение А. Д. Вяльцевой окутано флером легенд.

Сама она рассказывала своим близким только одно:

«Я — крестьянка Орловской губернии, родилась в городе Трубчевске. Детство и юность провела в Киеве». А народная молва сообщает разные подробности. Венера родилась из пены морской, Вяльцева родилась из пены мыльной, из облаков пара прачечной, словом, говорят, что она была дочерью прачки, затем поступила в горничные, а потом в хористки оперетки.

Но дело, конечно, не в профессии.

А дело в том, что она — дочь народа, славный отпрыск русского народного таланта, таящего в себе великие возможности.

И вот ровно восемнадцать лет тому назад Вяльцева выступает в первом своем публичном концерте в качестве ученицы профессора Сонки (1853—1941, советский вокальный педагог.— **В. С.**).

Однако голос ее не нуждался в постановке. От природы он был чист, звонок и крепок и обладал каким-то особым, доселе неслыханным, ущемлявшим сердце тембром.

Россия как-то сразу признала и полюбила Вяльцеву и требовала ее нарасхват... И первая же гастрольная поездка превратилась в триумфальное шествие. Большая часть ее жизни проходила в переездах из города в город...

Кочевая жизнь сама по себе полна треволнениями и приключениями: вечная спешка, нервы всегда натянуты, нервный репертуар и нервное исполнение. Но особенно много приключений, пишет автор очерка, у нас на Руси. Что ни губернатор — то приключение. В Астрахани вице-губернатор требовал себе бесплатную ложу, а ложи были все заранее распроданы. Он пошел к Вяльцевой объясняться — грозил, повышал голос.

— Я только пою! Оставьте меня в покое...

И в Смоленске губернатор получил от Вяльцевой урок вежливости.

Словом, публика признала сразу, а губернаторы — косились.

Но зато в первую же поездку пришлось испытать и массу диких проявлений восторга.

В Елисаветполе (ныне Кировабад.— **В. С.**) после концерта старшины-армяне взялись за руки и бухнулись перед ней на землю — такой коллективный земной поклон заставил Вяльцеву безудержно рассмеяться.

После первого ее антрепренера, который мог бы свой кабинет вместо обоев оклеить телеграммами «Билеты все проданы», Вяльцеву восемь последних лет возил А. В Таскин (концертмейстер и композитор. — **В. С.**). С Таскиным Вяльцева делала уже по два провинциальных турне вместо одного. Для отдыха времени уже совсем не оставалось, тем более что Вяльцеву с неудержимой силой стало вновь тянуть от цыганщины в оперу или хотя бы в оперетку.

Роль за ролью разучивала она с прилежанием ученицы с Таскиным. Все это исподволь подтачивало силы артистки...

Впервые обратилась она к врачам после концерта в Курске.

Пела она в том концерте без конца: и «Гай-да тройка», и «Ветерочек», и «Чудо-чудеса», и «Все говорят», и «Уморилась» — все то, что публика всегда требовала А ненасытная толпа все заказывала новые песни.

— «Чайка»! «Чайка»!—кричали сверху.

И «Чайку» запела:

Вот вспыхнуло утро. Румянятся воды,
Над озером быстрая чайка летит,
Ей много простора, ей много
свободы,
Луч света у чайки крыло серебрит.
Но что это? — выстрел? Нет чайки
прелестной.
Она трепеща умерла в камышах...
Шутя ее ранил охотник безвестный,
Не глядя на жер....

Тут она покачнулась, побледнела, упала. Это была ее последняя песня, недопетая песня.

Вы знаете, как называется болезнь, от которой страдала Вяльцева?

Острое белокровие.

Все красные шарики своей крови она растратила, словно ими расплачиваясь за выражение того бешеного восторга, которым всюду встречала ее толпа.

Этот бешеный восторг положительно пьянил и ее. Она, не рассчитывая своих сил, бросала в толпу целыми пригоршнями свои сокровища. До двадцати шести бисов исполняла она в своих концертах, кроме обычной программы. До сорока концертов подряд давала она во время своих провинциальных скитаний. А ночью — в вагоне. Когда же жить, когда же остыть?

Когда ей указывали:

— Что вы делаете? Вы себя убиваете! К чему эта безумная расточительность бисов? Ведь публика — зверь, тиран.

Она отвечала:

● *Анастасия Вяльцева.*

— Ведь публика платит... Я — слуга публики!

Бродячая, как цыганка, она отличалась от цыганок именно тем, что никогда не имела свободы, о прелестях которой так много поется в цыганских песнях...

Вдумайтесь, всмотритесь, пишет автор очерка, в картину грозного признака смерти, который повеял крылом над Вяльцевой. Судьба действительно не могла выбрать во всем вяльцевском репертуаре песни, которая подходила для трагического финала более, чем «Чайка».

Нет чайки прелестной.
Она трепеща умерла в камышах...

Это не реклама, а факт, как не реклама и многое из того, что газеты называли в свое время рекламой. Помните, продолжает автор очерка, каким улюлюканьем пресса встретила отъезд Вяльцевой на войну... Пресса, а за ней и часть публики не верили, что там, на полях Маньчжурии, истекает кровью возлюбленный ее. Она не побоялась войны и ее ужасов, чтобы своими ухаживаниями спасти любимого человека. Она своей рукою остановила сочащуюся кровь его раны. И что же! Через восемь лет этот самый человек — теперь муж ее — жертвует собственной кровью, чтобы спасти ее!.

...Но что такое представляет собой Вяльцева? — спрашивает автор очерка. Почему газеты без различия направлений так чутко прислушиваются к ее пульсу, к ее дыханию? Почему печатают бюллетени о ее здоровье? Как будто она — коронованная особа. Кто ее короновал?

Короновала себя она сама. Она сама вошла скромной стопой в цыганское царство и из служанки стала королевой.

Это судьба многих итальянских знаменитостей — из нищих они делались королями — королями теноров, королями баритонов, королями сцены.

Ходит, ходит с шарманкой бродячей какой-то нищий и вдруг запоет. Запоет на весь мир! Так запоет, что и в холодной Пальмире рукоплещут.

Так случилось и с Вяльцевой: вдруг запела на всю Россию!..

Каковы заслуги ее перед обществом?— пишет автор очерка.— В чем причина ее успеха? Почему каждый звук ее голоса рождает эхо в сердце народном?

Тут причины глубокие и далекие. Уходят они в даль веков своими корнями.

В народе, особенно прикрепощенном нуждою и горем, всегда живет мечта о «воле-вольной», о «вольнице», хотя бы Разинской.

Чем больше гнет, тем пуще тоска о воле.

Она идеализируется, принимая какие-то романтические очертания... душа словно опьяняется мечтой о воле, о цыганском бродяжничестве.

Из буден неволи душа рвется к вечному празднику воли, к вечному празднику любви...

Тройка мчится, тройка скачет,
Вьется пыль из-под копыт...
Колокольчик звонко плачет,
То хохочет, то звенит...
Едет, едет, едет к ней
Едет к милушке своей...

Это поет Вяльцева...

Никто не умеет так любить, как цыганка,— по крайней мере, никто не умеет так горячо сказать о своей любви.

Я тебя бесконечно люблю,
За тебя я отдам мою душу,
Целый мир за тебя погублю,
Все обеты и клятвы нарушу...

Пусть это ложь, пусть это сон.

Но как от будничной правды, от гнета действительности не рваться к этой пьянящей лжи, к этому восхитительному сновидению!

Как не лететь туда на крыльях тройки...

Гай-да тройка... Снег пушистый,
Ночь морозная кругом!
Светит месяц серебристый.
Едет парочка вдвоем...

Пусть пошлы эти слова, пусть они безграмотны. Но в них так много манящей дали...

Ночи безумные, ночи бессонные,
Длинные комнаты, пенье
цыганское...

Ах, как далеки эти комнаты от костров табора! И как близки они, как близки!

Мой костер в тумане светит,
Искры гаснут на лету.
Ночью нас никто не встретит,
Мы простимся на мосту...

Сколько истомы, сколько поэзии и своеобразной красоты в этом простом напеве! Недаром им увлекся, его записал и гармонизовал сам П. И. Чайковский.

Лист, когда он жил в Москве, ночами «торчал у цыган», восхищаясь их пением. Мусоргский, Серов — все любили бесхитростные, бедные, примитивные в музыкальном отношении песни цыганского табора. А русские поэты, начиная с Пушкина, разве не воспевают цыган? Апухтин, граф А. К. Толстой, Мей... Даже сам великий старец земли русской, Лев Толстой, восхищался цыганами.

Выйдет какая-нибудь Стеша. Запоет преглупейший романс. Скажет препошлейшее слово.

Но как скажет!
Но как взглянет!

Это пошлое слово станет таким, точно вы его сейчас только в первый раз в жизни услышали. От него пахнет такою свежестью, такою страстью, таким чарованием, что сердце сладко защемит.

И весь мир в ее глазах...

Это испытали и Лист, и Пушкин, и Лев Толстой...

Этой тайной придать пошлому слову неизреченную глубину и прелесть в совершенстве владела Вяльцева.

Вечный, бессменный аккомпаниатор певицы композитор А. В. Таскин раскрывает глаза на одну трагическую особенность в деятельности Вяльцевой:

«Сама она, человек музыкальный, не только не любила, но даже ненавидела самые популярные из своих цыганских песен. Она тяготилась ими. И в каждом концерте в программу старалась включить что-нибудь не такое запетое. Но публика требовала от нее старых песен... Она ненавидела и пела эти песни. А я — ведь я музыкант серьезный — ненавидел их и аккомпанировал певице...».

Она ненавидела...

Так ли это?— спрашивает автор очерка.

Быть может, да, но только до того момента, как брала первую ноту.

Так ненавидят порой безумно любимого человека. Как в цыганском романсе:

Порою вас я ненавижу,
Но... я вас все-таки люблю...

Начинала петь ненавистный романс.

С первой же ноты увлекалась и — увлекала до самозабвения.

Подготовил В. СУРМИЛО.